

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кавказоведческий семинар во втором полугодии 2018 г.

С осени 2015 г. начал работу регулярный научно-практический семинар «Кавказ в прошлом и настоящем (общество и политика, экономика и культура)». Инициаторами его создания и организаторами заседаний стали сотрудники Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО В. М. Муханов и А. А. Ярлыкапов, а также ст. науч. сотр. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института Востоковедения РАН В. О. Бобровников. Заседания семинара проходят как в стенах МГИМО, так и в Институте востоковедения РАН. В 2017 г. в состав Оргкомитета семинара вошли ст. науч. сотр. Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО М. А. Волхонский и ст. науч. сотр. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН А. Ю. Скаков.

К середине 2018 г. было проведено 34 заседания, на которых выступили 37 экспертов, часть из них — неоднократно¹. Несколько докладов семинара уже опубликовано в виде отдельных статей.

* * *

26 сентября 2018 г. в МГИМО состоялась 35-е заседание семинара (при участии Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН). Заседание прошло в формате круглого стола, на котором выступило три докладчика: А. Ю. Скаков (Институт востоковедения РАН, ИМЭМО РАН), В. В. Новиков (Институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона) и А. Б. Крылов (ИМЭМО РАН).

Докладчики обсудили последнее десятилетие в истории Абхазии и Южной Осетии, актуальную социально-политическую ситуацию в двух республиках, признанных Российской Федерацией в 2008 г. Особый интерес участников заседания вызвал анализ расклада политических сил в Абхазии в преддверии президентских выборов 2019 г. Также были затронуты тема российско-грузинских взаимоотношений, грузинский фактор в абхазской и югоосетинской политике последнего десятилетия. Кроме того, докладчики и участники семинара обсудили вклад МГИМО в разработку данной тематики и проанализировали имеющийся на настоящий момент массив исследовательских статей по данной тематике, часть из которых вышла на страницах журнала «Международная аналитика» (и предшествовавшего ему «Ежегодника ИМИ»)².

После ярких выступлений докладчиков состоялась плодотворная дискуссия, в ходе которой А. Б. Крыловым был сформулирован целый ряд вопросов, в том числе по нюансам российской политики в регионе. В итоговой дискуссии приняли участие эксперты МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Высшей школы экономики и других столичных научных центров.

¹ См., например: Скаков А. Ю., Новиков В. В. Абхазия в 2015 году: основные политические и социально-экономические тренды // Ежегодник ИМИ. — 2016. — Вып. 1 (15). — С. 117–128; Муханов В. М. О текущем состоянии церковного раскола в Абхазии // Ежегодник ИМИ. — 2016. — Вып. 1 (15). — С. 129–137; Ярлыкапов А. А. «Исламское государство» и Северный Кавказ в ближневосточной перспективе: вызовы и уроки для России // Международная аналитика. — 2016. — № 3 (17). — С. 112–121.

² Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017): библиографический словарь-справочник / Сост. М. А. Сапронова, А. Л. Чечевшиников, А. А. Ярлыкапов. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 82 с.

* * *

17 октября 2018 г. в МГИМО прошло 36-е заседание, на котором состоялась презентация изданного в рамках проекта РФФИ № 18-011-00643 «Мусульмане современной России: социум, идеология, политика» биобиблиографического словаря-справочника «Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017)». С докладом «Ислам в современной России» выступил А. А. Ярлыкапов.

Биобиблиографический словарь-справочник «Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017)» представил заместитель директора ИМИ А. Л. Чечевишников. Идея книги, отметил он, была высказана профессором МГИМО М. А. Сапроновой по ознакомлению с отзывами экспертов на заявку поддержанного впоследствии РФФИ проекта. Один из экспертов констатировал, что в библиографии проекта явно преобладают работы зарубежных исламоведов. В итоге было решено подготовить справочник, который отражал бы состояние отечественных исследований постсоветского ислама и мусульманских сообществ России. До сего момента такое обобщение не проводилось. И хотя несколько исследователей, к сожалению, не откликнулись на приглашение заполнить анкету, первый опыт можно признать удачным. А. Л. Чечевишников отметил, что справочник содержит значительный объем информации о биографиях исследователей, о географии исламских исследований, их тематике и динамике. Издание будет способствовать становлению такого междисциплинарного направления, как изучение современного российского ислама.

А. А. Ярлыкапов сделал презентацию-доклад «Ислам в современной России». Основой для выводов послужили исследования докладчика в мусульманских общинах Северного Кавказа, Поволжья, Урала и Сибири. А. А. Ярлыкапов констатировал некорректность утверждения, согласно которому с конца 1980-х гг. в России имело место возрождение ислама: «Была по большей части реисламизация. Возрождать на значительной части территории страны было нечего. Для того чтобы возрождать, нужно иметь те традиции, которые подлежат восстановлению. В России, за исключением, может быть, отдельных районов, прежняя исламская традиция, которая была в начале XX в., не сохранилась. Просто в 1980–1990-е гг. люди, которые позиционировали себя мусульманами, принадлежали к “этническим мусульманам”. Но на определенном этапе часть из них стала практикующими мусульманами. Заново, не опираясь на прежнюю традицию», – отметил А. А. Ярлыкапов.

В качестве примеров реисламизации, принятия ислама заново докладчик привел северные районы Дагестана и Кабардино-Балкарию. «В северных районах Дагестана в реальности были, может быть, один-два человека, которые могли читать Коран по-арабски и знали какие-то обряды ислама. Ситуация же в КБР была такова, что те молодые кабардинцы, которые стали соблюдать нормы ислама, были отчуждены своим же обществом, потому что не вписывались в его представления о месте и значении ислама, что в итоге и привело к трагическим событиям 13 октября 2005 г.», – констатировал А. А. Ярлыкапов.

Он также отметил постепенное изменение традиционной картины распространения богословско-правовых толков ислама, которое происходит в результате миграции людей и идей. «Размывается гомогенность “кавказского” и “поволжско-татарского” культурных ареалов и складывается смешанный “урало-сибирский” при активном участии мусульман из стран Центральной Азии», – заявил он.

Среди тенденций развития исламского сообщества в России А. А. Ярлыкапов выделил усиление его мозаичности, «не только в результате появления мигрантов, но и в результате деятельности новых групп: коранитов, “Хизб ут-Тахрир”, нурсистов и прочих. Идет мозаизация салафитов – течения, которое никогда не было единым и разделялось на множество, в том числе оппонировавших друг другу, групп. К имеющимся салафитам добавляются так называемые ихванизированные группы, подпавшие под влияние шейха Юсуфа аль-Кардави и его учеников. Их лидеры, в частности Салман аль-Ауда, арестованы в КСА в связи с катарским кризисом».

А. А. Ярлыкапов констатировал, что на Северо-Восточном Кавказе ислам стал активным «игроком» в правовой, экономической, образовательной и иных сферах. В частности, к исламскому праву мусульмане часто обращаются из-за неумения местных властей решить те или иные проблемы: «Нерешенность некоторых застарелых проблем иногда толкает мусульман к применению шариата. В Дагестане все чаще обращаются к шариатским понятиям. Например, жители равнин Дагестана говорят, что по шариату на равнине земли принадлежат им, а горцам, которые поселились там, нужно договариваться с ними. До 100 000 человек живут на равнине в поселениях, которые нигде не зарегистрированы, на карте их не существует. Хотя эти земли –

формально собственность государства, это не решает вопрос их статуса. Зафиксированы случаи, когда земельные конфликты общины местных жителей и переселенцев решали в мечети, по шариату (в рамках тех знаний, которые есть у духовных лидеров), фиксируя решение на арабском языке. Хотя настоящих знатоков шариата всё еще крайне мало».

Важной тенденцией А. А. Ярлыкапов считает и то, что официальные духовные управления мусульман конкурируют с альтернативными общинами и неформальными исламскими центрами: «У нас на виду соперничество между муфтиятами. Но их организационные противоречия далеки от реальности, в которой живут верующие в общинах и мечетях».

По мнению А. А. Ярлыкапова, в российском мусульманском сообществе имеет место борьба за лидерство, в которой заметны два крупных игрока: Духовное управление мусульман Дагестана и Рамзан Кадыров. Реальность свидетельствует, что на всероссийском уровне Кавказ бросает вызов татарскому лидерству в мусульманской общине: «ДУМ Дагестана сейчас активно включилось в борьбу за лидерство в российской умме. Так, газета этого духовного управления “Ас-салам” в настоящее время распространяется по всей России. Ее можно приобрести у многих станций московского метро, а не только в мечетях, и найти в отдаленных сибирских общинах мусульман. Во всех регионах дагестанский муфтият проводит какие-нибудь мероприятия. Их деятельность заметна в Новом Уренгое, в Томске. Активное сотрудничество с ДУМД идет в Татарстане. ДУМД предлагает своих имамов в разных местах. Используют они и сетевые возможности. Таким образом, у них реальная и результативная работа».

Вторая сила в борьбе за лидерство среди мусульман России — Рамзан Кадыров. «Хотя Кадыров не заявляет официально о лидерстве в мусульманском сообществе России, но реальность такова, что он участвует в этой борьбе. Он и его сторонники активно используют сетевые технологии, налаживают контакты с местными мусульманскими лидерами по всей стране. Они оказывают целевую помощь местным мусульманским общинам. Определенными своими действиями и высказываниями зарабатывают симпатии всех мусульман и по России, и за рубежом. Например, Кадыров решил вопрос с негативным впечатлением от грозненской фетвы. В отличие от Дагестана в Чеченской республике негативно восприняли фильм о пророке Мухаммаде, снятый по шиитской версии его биографии в Иране. Было довольно эмоциональное выступление муфтия республики о запретности шиитской пропаганды и материалов для мусульман региона. Это тоже связано с желанием позиционировать себя представителем всего мусульманского сообщества России. ДУМ Дагестана ограничен тем, что его имамы — в основном суфии, чем вызывают противостояние с салафитами. Кадыров же сохраняет широкие контакты, не ограничиваясь суфиями и официальными муфтиятами. Сейчас и среди некоторых групп салафитов распространено мнение, что делаемое им — полезно для уммы и достойно поддержки», — сообщил Ярлыкапов.

Участники высказались по поводу представленного словаря-справочника, отметив его сильные и слабые стороны. Было предложено перевести это издание в разряд ежегодника, что было воспринято участниками круглого стола положительно. В обсуждении приняли участие сотрудники МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН, Института российской истории РАН, Института Африки РАН и других столичных научных центров.

* * *

24 октября 2018 г. в Институте востоковедения РАН состоялось 37-е заседание. С докладом «Язык (анти) исламского призыва на Кавказе конца XIX — начала XXI вв.: от православных миссионеров до салафитов и традиционалистов» выступил профессор филиала Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН В. О. Бобровников.

В докладе была затронута такая малоизученная тема, как традиция исламского призыва (да'ва) в России. До середины XIX в. исламский призыв велся только на арабском и других восточных языках. Однако с конца 1880-х гг. появляется литература исламского призыва на русском языке в Поволжье как ответ на деятельность православных миссионеров в этом регионе.

В современной России, по мнению докладчика, тема исламского призыва тесно связана с ответом на вопрос «Что такое реисламизация?». Трудность ее раскрытия в том, что объективная картина искажается исламофобскими дискурсами, доминирующими в средствах массовой информации. Этот дискурс формируется под влиянием ориенталистских стереотипов, различного рода страхов, обостренных ростом миграционных потоков. В этой ситуации следует при-

кладывать больше усилий для развития более взвешенного академического дискурса. Особую актуальность приобретают полевые исследования, которые позволят ответить на вопрос «Кто и как ведет да'ва в современной России?».

На полевых материалах, собранных в Дагестане, докладчик проанализировал особенности исламского призыва салафитов и муфтиятов. Он обратил особое внимание на феномен «советского наследия», проявляющегося в современных организационных и нарративных формах исламского призыва. Докладчик показал явные параллели, например, в организации советских праздников и современных мусульманских праздников (праздник Дня Победы и праздник Мавлида). Также докладчик продемонстрировал параллели между современной исламской литературой на русском языке, с помощью которой проводится призыв, и советской атеистической литературой. Параллели касаются прежде всего структуры текстов, характера аргументации.

В заключение докладчик пришел к предварительному выводу о наблюдаемой эволюции дискурсов, в ходе которой западный ориенталистский дискурс стал во многом основой для православного миссионерского, который в свою очередь повлиял на научный атеистический советский антиисламский дискурс. Последний, как было показано, во многом и обусловил формы и аргументацию современной исламской литературы призыва.

По итогам выступления В. О. Бобровникова состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие сотрудники МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН, других московских научных центров.

* * *

31 октября 2018 г. в МГИМО состоялось 38-е заседание семинара на тему «Проблема религиозно мотивированного насилия на Северном Кавказе». В ходе семинара с докладом «Религиозно мотивированное насилие в КБР и КЧР — как объяснить различия?» выступила руководитель научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Института Гайдара) И. В. Стародубровская. Она отметила, что Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия выбраны как объекты исследования по причине близости друг к другу по параметрам социально-экономического характера. В то же время эти регионы имеют различную динамику насилия, связанного с противостоянием части мусульман и государства.

И. В. Стародубровская указала на различный уровень потерь в республиках: «В КБР в целом потерь больше, чем в КЧР, в десять раз. Сначала шло нарастание насилия, затем пик и медленное снижение. В КЧР в основном всё ровно, хотя есть отдельные всплески насилия по годам, но нет спиралевидного роста». По мнению докладчика, объяснения показателям насилия на религиозной почве, которые уже давно пытаются дать ученые, в случае с Кабардино-Балкарией и Карачаево-Черкесией не совсем работают: «Например, указывают на рост радикализма в странах, где есть такой фактор демографии, как преобладание молодежи в обществе — так называемый молодежный пузырь. Однако в обеих республиках этого явления нет, “молодежный пузырь” небольшой и одинаковый. В сфере экономики — депривация, то есть лишение привычных источников доходов и в КБР, и в КЧР... Некоторые ученые говорят о внешнем влиянии на процессы, хотя я не сторонница такой конспирологии. Но почему в КБР и в КЧР оно по-разному воздействовало на ход событий? И, наконец, говорят, что якобы суфизм доминирует и не приемлет других течений. Ни в КБР, ни в КЧР нет какого-либо доминирования суфизма», — отметила она.

По мнению И. В. Стародубровской, при рассмотрении религиозно-мотивированного насилия в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии важно учитывать социальный контекст: «Происходят разрушение традиционных иерархий, усиление индивидуализма, урбанизация и институциональный хаос. Замещение прежнего городского населения сельским происходит в обоих регионах, начиная с 1990-х гг. Изменился этнический состав существующих городов».

И. В. Стародубровская также отметила различную роль городов в КБР и КЧР: «Нальчик в два раза больше Черкесска. В Нальчике городские традиции, центр межрегиональных гражданских движений. Например, здесь формировалась Конфедерация горских народов. В КЧР только сейчас стала меняться ситуация. Если ранее села воспринимались как оплот идентичности, то в настоящее время в восприятии молодежи между селом и городом различий не осталось».

И. В. Стародубровская остановилась также на политическом контексте, который определяет различия при проявлении насилия в обеих республиках. По ее мнению, конфликт в КБР

в 1992 г., арест Мусы Шанибова, подавление беспорядков при попытке отстранить бывшее партийное руководство КБР сформировало «культуру подавления». У власти сложилось впечатление, что все нужно давить в зародыше. В КЧР прежнее советское руководство дожило до 1999 г., и лишь тогда разгорелся конфликт между этническими элитами республики. Это вызвало шок. Но из конфликта вышли, договорившись. И. В. Стародубровская отмечает, что это породило культуру медиации и поиска компромиссов в этой республике.

По мнению докладчика, указанные различия повлияли и на отношение к исламским движениям: «В каждой из республик власти считали насилие в том или ином виде допустимым. К примеру, в КЧР имели место внутриэлитные кровавые разборки... Поэтому в обеих республиках часть мусульман, объединившиеся в джамааты, стали де-факто силовой корпорацией. Часть людей в исламское движение перешли из криминала. Степень радикальности исламских движений в республиках не отличалась. Войну в Чечне джамааты считали джихадом». Вместе с тем влияние на Кабардино-Балкарию оказала и война в Абхазии.

В то же время в Карачаево-Черкесии исламизация началась раньше антиваххабитской кампании конца 1990-х гг. Более того, по словам И. В. Стародубровской, в этой республике были проявления «политического ислама», что являлось, по её убеждению, определенным препятствием для радикализации. Политический ислам был связан с Мухаммадом Карачаем (Биджиевым), который представлял Исламскую партию возрождения. «Политический ислам не может быть закрытым. Ведь постановка политических целей делает необходимым взаимодействие с другими политическими силами и с обществом. А это не способствует оторванности и радикализации», – считает она.

По мнению И. В. Стародубровской, радикализация и взрыв насилия в Кабардино-Балкарии и умеренные формы противостояния в Карачаево-Черкесии являются итогом различной реакции властей на исламизацию. Докладчик отметила: «В КБР сужается пространство выбора. Создаются препятствия для исполнения религиозных обрядов, невозможно вести исламский призыв. Существует жёсткая дискриминация при трудоустройстве. И при всем при этом – невозможность эмиграции, не выдаются и отбираются загранпаспорта. Члены джамаата ощущают прямую угрозу жизни и здоровью. Реакция в КЧР на исламизацию похожа, но гораздо мягче. Обыски, ущерб имуществу, но не угроза жизни и здоровью. Избиения и пытки не приобретают массовый характер. Дискриминация при трудоустройстве мягкая. При наличии возможностей решить проблемы без применения насилия, в частности воздействовать на МВД, на увольнение провинившихся следователей (а в КЧР были такие прецеденты), терроризм – последнее звено в цепи выбора».

И. В. Стародубровская отметила, что силовые методы использовались и в Кабардино-Балкарии, и в Карачаево-Черкесии. По ее мнению, после событий в Нальчике в октябре 2005 г. в КЧР репрессии были сопоставимы с кабардино-балкарскими. Но прекратились. «Почему?» – спрашивает она. «Я думаю, что основное в этом деле – заинтересованность разных слоев и групп населения к медиации, к компромиссу. Его хотели и общественники, и представители власти. Помимо этого, на подходе был вопрос с развитием туризма на Архызе. В КБР на курортах работали в основном балкарцы, а официальные власти хотели их отодвинуть от этого бизнеса, поэтому им было не столь важно спокойствие ради туристов. В КЧР это сыграло свою роль для сдержанности властей», – считает Стародубровская. В итоге, по ее словам, в Кабардино-Балкарии шла раскрутка спирали насилия.

Состоялось активное обсуждение доклада, в котором приняли участие представители МГИМО, МГУ, Института Гайдара, ИВ РАН, ИЭА РАН.

* * *

30 ноября 2018 г. в МГИМО прошло 39-е заседание семинара, на котором с докладом «Русское население в Чеченской республике: статус, проблемы, перспективы» выступила Е. В. Нерозникова, известный российский журналист, специализирующийся на северокавказской проблематике.

Во вступительной части докладчик отметила, что к русскому населению были отнесены все те, кто идентифицировал себя таким образом. К числу русских относят себя не только этнические русские, но также православные украинцы, молдаване, цыгане, а также армяне. Докладчик также проследила демографическую динамику убывания русского населения в Чечне с 1979 г. по сегодняшний день.

Е. В. Нерозникова кратко остановилась на трагических событиях войны в 1990–2000-х гг., следствием которых стала массовая гибель, а также бегство русских из Чечни. В республике, прежде всего в Грозном, остались в основном пожилые люди, не захотевшие покинуть свое недвижимое имущество, или одинокие старики, не имевшие возможности уехать в другие российские регионы. Бегство русского населения сопровождалось, как правило, полной потерей собственности. На данный момент известно совсем немного случаев возвращения собственности по суду. Были также отмечены факты помощи русским со стороны соседей-чеченцев, что помогло им выжить в условиях военных действий, а также насилия со стороны как боевиков, так и отдельных «федералов». Докладчик оценила реальную численность русского населения Грозного и близлежащих сел примерно в 200 человек (100 домов в частном секторе). При этом она не принимает в расчет русских в Ханкале и в Грозном, находящихся там по делам службы.

Основная часть доклада была посвящена механизмам выживания русского населения современной Чечни. Докладчик отметила фактическое отсутствие какой-либо реальной социальной помощи со стороны республиканских властей русским, живущим в социальной изоляции и бедственных условиях. По словам Е. В. Нерозниковой, главной проблемой для оставшихся русских является трудоустройство. Находясь в социальной изоляции, не имея поддержки со стороны родственников или знакомых, русские не в состоянии устроиться на хорошую, в плане постоянной занятости и оплаты, работу. Докладчик отметила, что эта проблема касается не только русских, но также других национальных меньшинств. Но русские особенно страдают от отчуждения, поскольку не являются мусульманами.

Ислам стал в последнее время главным объединяющим фактором для чеченцев. Чеченец – не мусульманин не признается чеченцем. Русские лишены доступа к социальным лифтам чеченского общества, выстроенным на основе единоверия и родственных, клановых связях. В этой ситуации русские, оставшиеся в Чечне, становятся перед трудным выбором: либо принять ислам и, следовательно, так или иначе быть принятым в чеченское общество, либо оставаться в изоляции. Чаще всего этот выбор должны делать русские женщины, которые, выйдя замуж за чеченца, при условии принятия ислама, могут тем самым повысить свой социальный статус.

Однако выбор первого пути, как правило, влечет за собой потерю русской идентичности. Выбор второго пути означает, что человек останется в ситуации социального «остракизма», не имея доступа к механизмам взаимопомощи. Несмотря на это многие представители немногочисленного русского населения демонстрируют религиозность, приверженность православию, что, по мнению докладчика, является следствием их сопротивления угрозе потери идентичности. Кроме того, докладчик отметила растущую в последнее время, несмотря на заверения чеченских властей, враждебность к русским, русской культуре со стороны чеченской молодежи (явным проявлением этого является нападение на православный храм в Грозном весной 2018 г., а также вандализм в отношении православных надгробий на главном грозненском кладбище). У большей части чеченской молодежи отсутствует адекватное, положительное представление о России как многонациональном государстве.

Единственным источником социальной взаимопомощи для русских Чечни остается православная церковь. Однако, по мнению докладчика, деятельность церкви в последние годы была малоэффективной. Более того, открытие – при покровительстве республиканских властей – православных храмов в казачьих станицах Шелковской и Наурской, а также создание казачьих фольклорных ансамблей, русских культурных центров носит, по мнению докладчика, по большей части постановочный характер.

Состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие эксперты МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН и других московских научных центров.

* * *

5 декабря 2018 г. в Институте востоковедения РАН состоялось 40-е заседание семинара. С основным докладом «Основные тенденции в развитии архитектурной пластики периода Абхазского царства: новые данные и атрибуции» выступила старший научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН Е. Ю. Ендольцева.

Докладчик подвела итог многолетним исследованиям по средневековой христианской пластике Абхазского царства. Е. Ю. Ендольцева представила ряд новых памятников, а также проанализировала новые атрибуции ранее известных артефактов. В заключение были сделаны вы-

воды о стилистических особенностях и об основных тенденциях развития пластики периода Абхазского царства.

Состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие эксперты МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН и других московских научных центров.

* * *

21 декабря 2018 г. в МГИМО состоялось 41-е заседание семинара, на котором с докладом-презентацией «Кавказ в этнографическом рисунке и фотографии (1940-е гг. XIX в. — 1940-е гг. XX в.)» выступила доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова З. У. Махмудова.

Доклад был приурочен к выходу книги-альбома «Образы Кавказа. Музейные раритеты XIX века», составителем которой стала З. У. Махмудова. В центре внимания исследователя — два альбома «Виды Кавказа» и «Воспоминания о Кавказе», хранящиеся в Государственном Русском музее, а также «Альбом Кавказский» в Государственном Историческом музее.

Альбом «Виды Кавказа» включает 80 листов рисунков и акварелей, наклеенных на не сброшюрованные паспарту из тонкого картона табачного и голубого цветов, с золотым обрезом. Паспарту были пронумерованы типографским способом и заключены в отдельную коробку с надписью «Виды Кавказа». Данный альбом поступил в Русский музей в 1928 г. Второй альбом — «Воспоминания о Кавказе» — включает в себя 40 рисунков и акварелей (поступил в Русский музей в 1976 г.). В ходе первоначального изучения рисунков специалисты музея предположили, что автором всех рисунков мог быть Алексей Владимирович Вышеславцев (1831—1888). На Атрибуционном совете Русского музея в 1995 г. доказательства авторства А. В. Вышеславцева приняли с «вопросом».

Однако знакомство с биографией Алексея Вышеславцева заставляет усомниться в его авторстве рисунков и акварелей из кавказских альбомов. В результате длительных разысканий удалось определить, что многие из рассматриваемых рисунков и описаний выполнены рукой Аркадия Сергеевича Вышеславцева (1820—1889), который является родным дядей Алексея. Именно А. С. Вышеславцев в 1840-е гг. служил на Кавказе, занимая различные должности в канцелярии Тифлисского военного губернатора, канцелярии Управления учебной частью за Кавказом и др. В частности, в газете «Кавказ» зафиксировано, что в январе 1849 г. А. С. Вышеславцев получил чин титулярного советника. Таким образом, авторами большинства кавказских рисунков из указанных альбомов являются А.В. и А.С. Вышеславцевы.

Рисунки различаются, но объединены темой Кавказа во всех проявлениях (природа, животный мир, население и его занятия, быт коренных жителей и т. д.). Вышеславцевы стали одними из тех «забытых героев», благодаря труду которых удалось сохранить редкие исторические образы Кавказа имперской эпохи.

Была также проведена кропотливая работа совместно с коллегами из Национального музея Грузии по анализу рисунков, хранящихся в Государственном Русском музее и сравнению их с материалами этнографического фонда грузинского музея. По ее итогам был сделан крайне важный вывод о том, что большинство рисунков было выполнено «с натуры» художником, который наблюдал быт и реалии жизни населения Кавказского края воочию. Причем значительная часть работ посвящена Тифлису, который в то время был главным центром региона, являясь столицей Кавказского наместничества.

Во второй части доклада З. У. Махмудова остановилась на фотографиях, сделанных известным советским этнографом Е. М. Шиллингом в ходе экспедиций на Кавказе в 1940-е гг., предложив их сравнить с рисунками и эскизами более раннего периода.

Состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН и других московских научных центров.

* * *

На заседаниях семинара в 2019 г. планируется обсудить такие темы, как страны Балтии и Закавказье в постсоветский период; Израиль и Закавказье; российско-грузинские отношения на современном этапе; социально-политическая ситуация в Абхазии и Южной Осетии и перспективы их развития; сравнительный анализ систем управления и политики в отношении адата на российском Кавказе и в голландской Индонезии; введение воинской повинности на Кавказе

в позднеимперский период; суфийские братства в Чечне и Дагестане; история жизни и деятельности художника П. Захарова-Чеченца и др.

Оргкомитет планирует, по мере готовности, публиковать доклады на страницах журнала «Международная аналитика» и ежегодника «Кавказский сборник».

М. А. Волхонский, В. М. Муханов, А. А. Ярлыкапов